

Александр Грин

Слово-убийца



Александр Степанович Грин

Слово-убийца

Аннотация

«В Италии, в Генуе, находилась, да находится и посейчас, типография некоего Джузеппе. С началом войны типография эта, раньше работавшая весьма вяло, так как у нее было мало заказов, стала поправляться делами. В ней стали печататься два уличных листка, что заставило хозяина, разумеется, обзавестись большим количеством шрифта, чем было у него до сих пор...»

Александр Грин

Слово-убийца

В Италии, в Генуе, находилась, да находится и посейчас типография некоего Джузеппе. С началом войны типография эта, раньше работавшая весьма вяло, так как у нее было мало заказов, стала поправляться делами. В ней стали печататься два уличных листка, что заставило хозяина, разумеется, обзавестись большим количеством шрифта, чем было у него до сих пор.

К тому времени в Германии стал ощущаться недостаток в металлах, а главным образом – в свинце и меди. Чтобы добыть эти, столь необходимые для войны металлы – немецкие агенты и их подручные в разных странах взялись за все ухищрения, чтобы достать как можно больше меди и свинца. Во многих городах Европы, а в том числе и в Генуе, имелись у них подкупленные люди во всевозможных металлических предприятиях, в частности – и в типографиях, откуда эти люди крали свинцовый типографский шрифт и передавали его немецким скупщикам. Медь и свинец – отовсюду понемногу, но в общем – в значительных количествах переправлялись в Германию и шли на выделку патронов и пуль.

В типографии Джузеппе работал некто Филипп. Он был наборщик. Неумеренное употребление вина, привычка всегда и всюду искать наслаждений, а также склонность к ноч-

ному препровождению времени свели его с неким Валентином Цейкрафтом. Цейкрафт предложил Филиппу украсть два пуда шрифта, за деньги, конечно, не говоря – зачем.

Поздно ночью Филипп пробрался в типографию и стал насыпать в мешок свободный шрифт. Свободного шрифта было мало. Тогда он, будучи пьян, стал рассыпать гранки набора одной книги; в одной из этих гранок, между прочим, была фраза: «любовь победит»...

Буквы этих слов так же, как многих других, рассыпались в руке Филиппа; свалив всю добычу в мешок, поспешил он в кабак к Цейкрафту, где пил с ним, получил деньги и на четвереньках пошел домой.

Вскоре после этого Филиппу захотелось пойти добровольцем во французскую армию – он хотя и был плохим человеком, но был неплохим патриотом! – и стал Филипп сражаться в волонтерском отряде Гарибальди против ненавистных Италии швабов.

Тем временем, путем таинственного соотношения вещей, мало понятного нашему разуму, но, должно быть, – необходимого для жизни – буквы слова «любовь» при переплавке шрифта на пули – не рассеялись частицами в общей массе свинца, а – случайно или не случайно – вошли целиком в состав одной пули, которой и было заряжено ружье одного баварца. Ружье это во время одной атаки было направлено в грудь Филиппу и, как полагается, произвело выстрел.

Пуля, вылитая из слова «любовь», пробила Филиппу

сердце и остановилась в нем. Перестало биться, остановилось сердце. Никто из тех, кто продолжал сражаться вокруг неподвижного тела Филиппа, не мог даже и подозревать, что, может быть, в этот час произошло самое странное явление с тех пор, как существует земля, ибо, когда же еще было видано, чтобы такое слово получило такое назначение? Полагаем, что никогда.

И Филипп не узнал этого.